

В. А. Кобринец

К ВОПРОСУ О ДЕНЕЖНОМ ОБРАЩЕНИИ ПОЛОЦКА ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ 1654—1667 гг. (по материалам Актовой книги Полоцкого магистрата)

Анализируется роль русских монет в денежном обращении на белорусских территориях Великого княжества Литовского. Исследование осуществлялось на основе материалов Актовой книги Полоцкого магистрата 1656—1657 гг., хранящейся в Национальном историческом архиве Беларуси.

In this article role of the Russian coins in coin circulation of the lands of Belarus is analyzed. The study is based on the materials of Polatsk Magistrate register of 1656—1657, which is kept in the National Historical Archive of Belarus.

Ключевые слова: война 1654—1667 гг.; денежное обращение; «ефимки с признаками»; копейки; «корали»; Полоцк; Россия; Речь Посполитая; «талеры печатные».

Keywords: the Russo-Polish War of 1654—1667, coin circulation, «yefimoks with marks», kopecks, «karali», Polatsk, Russian State, Rech Pospolitaya, «imprinted thalers».

В мае 1654 г. начинается война России с Речью Посполитой за белорусские и украинские земли. За первые два года конфликта войска царя Алексея Михайловича заняли значительную часть Великого княжества Литовского (далее — ВКЛ), в том числе и такие крупные города, как Вильно, Полоцк, Витебск, Могилев. Согласно Виленскому перемирию от 24 октября 1656 г. в состав России временно вошла территория на восток от р. Березины.

Одним из следствий военного конфликта XVII в. стал массовый приток русских монет на белорусские земли, как и более частое, чем ранее, упоминание продукции денежных дворов России в документах ВКЛ. В письменных источниках приводятся названия многих составляющих компонентов русской монетной системы третьей четверти XVII в.: серебряные «ефимки с признаками» (64 копейки), четвертины (1/4 часть рубля, 25 копеек), копейки и денги (1/2 копейки); медные полтинники (50 копеек), алтынники (3 копейки), грошовики (2 копейки), копейки и денги.

Целью исследования является рассмотрение роли русских монет в денежном обращении Полоцка во время войны 1654—1667 гг. В научный оборот впервые вводятся документы о деньгах России, выявленные в Национальном историческом архиве Беларуси (далее — НИАБ). Их изучение позволяет ответить на некоторые вопросы об участии и месте продукции российских денежных дворов в рыночной жизни белорусского северо-востока. Во-первых, следует проанализировать использование термина «талер печатный» населением Полоцка для отличия русских ефимков от идентичных им по пробе и весу западноевропейских талеров. Во-вторых, проследить применение названий русских счетно-денежных единиц и монет в документации Полоцкого магистрата. В-третьих, по данным письменных источников рассчитать курсы обмена «ефимков с признаками» на рынках земель ВКЛ. В-четвертых, выявить функции, которые выполняли русские деньги на рынках северо-востока белорусских земель.

Участие продукции денежных дворов России (серебряных и медных «проволочных» копеек, «ефимков с признаками») в денежном обращении белорусских земель во время войны 1654—1667 гг. уже неоднократно было предметом научных интересов исследователей. Указы-

валось, что военное присутствие России стало причиной поступления на белорусские земли полноценных русских монет (русских серебряных копеек и западноевропейских талеров с надчеканками) [6, с. 136; 8, с. 41; 18, с. 192; 19, с. 123; 23, с. 98, 99; 24, с. 7, 20; 25, с. 162]. И. Г. Спасский считал, что царское правительство использовало «меченые» талеры для выплат жалованья стрельцам — участникам похода 1655 г. и войскам на оккупированных землях [24, с. 7, 20]. На взгляд В. Н. Рябцевича, жители соседней Чернигово-Северской земли относились к клейменым талерам как к полноценной западноевропейской монете [17, с. 158, 159]. В. Н. Рябцевич и И. Н. Колобова не один раз писали о скромном месте копеек на белорусских рынках из-за их неудобства для обращения [9, с. 227; 16, с. 168; 19, с. 147]. По мнению В. Н. Рябцевича и В. А. Титка, «проволочная» монетная медь России играла ничтожную роль в денежном обращении белорусских земель [21, с. 431, 432]. В. А. Филинов полагал, что преобладание количества украинских находок русских ефимков над белорусскими явилось отражением союзнических отношений Восточной Украины с Россией [25, с. 164, 165].

При современном состоянии изученности значения русских монет в системе денежного обращения белорусских территорий ВКЛ третьей четверти XVII в. все больше востребованным становится привлечение архивных материалов. Автор ранее предположил, что основной ареал распространения «ефимков с признаками» на востоке Беларуси был связан с нахождением там крупных воинских соединений России [7, с. 109].

Основным источником для написания статьи послужила Актовая книга Полоцкого магистрата за сентябрь 1656 г. — август 1657 г. [13], хранящаяся в НИАБ. Частично ее материалы были опубликованы М. Ю. Гордеевым в коллективной работе «Полоцк» [14, с. 545—700]. Дополнительными источниками явились Актовая книга Могилевского магистрата за сентябрь 1656 г. — август 1657 г. [12] и данные из опубликованных сборников документов: «Русско-белорусские связи» [15] и «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России» [2].

В Актовой книге Полоцкого магистрата упоминаются названия почти всех составляющих элементов московской денежной системы середины XVII в. — денга, копейка, алтын (3 копейки), гривна (10 копеек), полполтина (25 копеек), рубль (100 копеек) и «ефимок с признаками». Наиболее полный список русских счетно-денежных единиц содержит тязба прапорщика Андрея Иванова, сына Кренева, с полоцким лавником (член суда присяжных) Иваном Зимницким от 1 мая 1657 г. [13, л. 380 об. — 381 об.; 14, с. 649, 650]. Подобные перечни известны и в других документах — «Росписи ратных людей в Полоцке, наряду, хлебных запасов и денежной казны» от 20 июля 1661 г. и «Передаточной описи от Н. А. Вельяминова воеводе Б. И. Нащокину» от 9 апреля 1664 г. [1, с. 409; 4, с. 205]. В материалах книги Полоцкого магистрата информация о русских монетах содержится в 34 актах.

Документы Актовой книги отразили новые явления на рынках Полоцка во время его захвата. Под влиянием московской денежной системы находит более широкое применение термин «рубль», поскольку в России он был одним из основных счетных единиц (московский «рубль» составлял 100 копеек, литовский «рубль» приравнялся к 100 литовским грошам). Собирательное понятие «деньги» нередко начинает использоваться вместо другого обобщенного названия — «гроши» [13, л. 143 об. — 144, 198, 261 об., 269 об. — 270; 14, с. 607].

В магистратской книге Полоцка обнаружено неизвестное ранее в нумизматической литературе название русских монет — «талеры печатные», а также его разновидности — «талеры печатные государевы», «талеры битые государевы» [13, л. 109, 380 об.; 14, с. 649], «яфимки государевы печатные» [13, л. 120 об.; 14, с. 583]. По мнению И. Г. Спасского, в России одним из вариантов названия «ефимков с признаками» были «ефимки печатные» [22, с. 110, 111, 120, 137, 141, 147, 148]. Ученый приводит выдержки из документов, где упоминается этот термин [3, с. 110—111; 22, с. 111, 141]. До последнего времени такое именование клейменого талера оставалось вне поля зрения исследователей. Анализ работ И. Г. Спасского и собственное изучение названий талеров в Актовой книге Полоцкого магистрата позволяют сделать

вывод о том, что в данном источнике «ефимки с признаками» имеют наименование «талеры печатные». Дополнительными аргументами в пользу тождественности являются два обстоятельства. Во-первых, в XVII в. одним из значений слова «печать» было оттиск штемпеля [5, с. 245]. Во-вторых, достаточно частое употребление термина «государевы» относительно этих монет. Поскольку Полоцк в 1656—1657 гг. входил в состав России, то единственно возможным правителем, к которому это может относиться, является царь. Всего в Актовой книге Полоцкого магистрата информация о «талерах печатных» содержится в 19 документах.

Предложенное прочтение «талера печатного» как «ефимка с признаками» позволяет установить курсы обмена на белорусских и украинских землях. Известно, что в 1655 г. официальная «указная» цена «ефимка с признаками» была 64 серебряные копейки [15, с. 359; 22, с. 120, 121, 123, 128, 136]. В инвентарь моголевского бурмистра Овхима Ивановича Хомутовского от 10 декабря 1656 г. был вписан реестр имущества, проданного в 1655 г. его родственником. В нем «талер печатный» оценивается «по алтынъ двадцати одной и пол» ($3 \times 21,5 = 64,5$ копейки) и «по алтынъ осмьнадцатъ» ($3 \times 18 = 54$ копейки. — *В. К.*) [12, л. 191]. Контекст документа позволяет говорить лишь об относительной датировке этих котировок. Одна из них, более ранняя, близка к «указной» цене талера, другая, более поздняя, — к закупочной казенной. В 1658 г. на рынках Киева прослеживается уже разделение цен по видам монет талерного типа. Согласно данным росписи денежной киевской казны, принятой в июле этого года боярином Василием Борисовичем Шереметевым «с товарищи», 138 ефимков и 2 четверти были равны 88 рублям 7 алтынам 4 денгам. То есть один ефимок соответствует $63,7$ ($138,5 : 88,23 = 63,7$) копейки. В то же время «ефимок непечатный» (т. е. ненадчеканенный) был оценен в полтину (50 копеек), а «киевская» же рыночная цена «тарели» (то же, что и талер) составляла 18 алтын ($18 \times 3 = 54$ копейки) [2, с. 220]. Для сравнения: 5 декабря 1656 г. в Полоцке неклеимый талер приравнивался к 16 алтынам [13, л. 102 об.], или 48 копейкам. Предположительно в течение 1655 г. на рынках Могилева произошла корректировка курса в сторону той цены, по которой российские власти закупали монеты талерного типа на новых землях.

В материалах Актовой книги зафиксировано упоминание медных монет, страна происхождения которых не указана. 20 июня 1657 г. лавники Иван Микитич и Михайло Наплешич составили «рахунок» (расчет) между жителем Переяславля украинцем Сильвестром Высоцким и полоцким помещиком Михалком Титовичем. Среди товара и остатка денег украинец получил от помещика «медянными грошми копъ две» [13, л. 447 об.; 14, с. 670]. К 1657 г. на белорусских рынках известны несколько видов медных монет — шотландские торнеры (двойные пенни) Карла I Стюарта, коронные медные солиды 1650 г. и медные копейки.

Согласно исследованиям В. Н. Рябцевича, в 1630-е гг. на землях Речи Посполитой единовременно и весьма ограниченно по времени поступали медные монеты Шотландии. Вкладах они фиксируются в виде незначительной примеси [18, с. 188, 192; 20, с. 251—253]. Сложно сказать, удалось ли ранним, чеканенным в 1650 г., медным солидам Яна II Казимира Вазы (1648—1668) закрепиться в денежном обращении оккупированных российскими войсками земель РП. Тиражи этих монет были невелики, так что представляется сомнительным упоминание их в документе.

Производство медных копеек в России было начато еще в 1655 г. В 1657 г. на пяти денежных дворах (два в Москве и по одному в Новгороде, Пскове и Кукенойсе) «наспех днем и ночью» чеканились медные монеты [10, с. 147, 148; 11, с. 213, 214; 21, с. 428]. В ВКЛ они направлялись на выплату жалованья «служилым людям» [21, с. 430—433]. Поскольку известны случаи взаимозаменяемости пары понятий «гроши» — «деньги», то, вероятно, названные «медные гроши» являются медными монетами царя.

Несмотря на то что в 1655 г. «ефимки с признаками» жители Витебска крайне неохотно принимали в оплату [15, с. 359], к 1656 г. эти монеты, как и серебряные копейки, становятся полноценными составляющими рынков Полоцка. В документах они неоднократно называются

«готовыми грошами» (наличными деньгами), а «талеры печатные» также и «битыми». Полоцкие мешане пересчитывают серебряные русские деньги на злотые и копы. Так, сумма денег на проезд и питание, полученных полоцким мешанином Михалком Титовичем от жителя Переяславля Сильвестра Высоцкого, составила «коп десети в талерах печатных» [13, л. 447 об.; 14, с. 670]. Среди похищенных у мешанки Аксиньи Парфеновны вещей фигурируют суммы копеек в «коп шестдесят» и «золотых дванадцат» [13, л. 32; 14, с. 556].

Небольшое количество документов Актовой книги содержит оценку движимых ценностей в русских счетно-денежных единицах. Нередко одними из главных действующих лиц такого рода актов являются служилые люди из России. Так, 1 мая 1657 г. прапорщиком Андреем Ивановым, сыном Креновым, приводятся цены воза сена («талер битый и чотыры алтыны»), двух пар рукавиц («одным цена гривна, а другим пят алтын»), еще одной пары рукавиц («полуполтина») и зеркала («цена тому зеркалу гривна») [13, л. 380 об.—381 об.; 14, с. 649, 650]. 2 марта 1657 г. солдат Самуила, Прокопов сын, определил стоимость пропавшего у него жупана в «чотыры рубли» [13, л. 245; 14, с. 619]. 9 марта 1657 г. лавники Мирон Якимович и Стефан Людкович со «служой врьдовым» составили залоговую смету части имущества полочанина Сахона Мухи, в которой оценили коня в четыре рубля, бочку соли в три рубля и три оловянные полумиски в «полрубля денег» [13, л. 259 об. — 260]. В жалобе от 8 июня 1657 г. упомянутый Сильвестр Высоцкий устанавливает своему эмиссару Михалку Титовичу закупочную цену осминыржи по «талеру печатном» [13, л. 442; 14, с. 665].

Чаше всего упоминания продукции денежных дворов России фиксируются в документах кредитно-финансового характера («позыках», приеме денег на хранение). Как свидетельствуют тяжбы, в роли дебиторов нередко выступали полоцкие мешане. Они брали займы русские деньги преимущественно у приезжих людей и изредка у своих земляков. Суммы долгов варьировались от очень незначительных (пять копеек) до крупных (41 рубль). Так, 25 декабря 1656 г. в составе займа мешанина Михалка Баки названы «десеть копеек русских» («серебряных». — В. К.) [13, л. 143 об. — 144]. Согласно данным акта от 18 февраля 1657 г. мешанин Петр Прокопович занял у солдата Ромашки Иванова на кабальную запись «мелких денег рубль» [13, л. 225 об.]. К примеру, 2 марта 1657 г. записано, что жена Сидора Михайлова, сына Тесли, мешанка Паланея для покупки шапочки одолжила «пять копеек» [13, л. 245—245 об.; 14, с. 619]. Документы сохранили и другие суммы займов — «два рубли грошей серебряных мелких», «полтретья рублей денег», четыре рубля «денег русских», восемь рублей «денег русских» [13, л. 198, 259 об. — 260, 261 об., 269 об. — 270; 14, с. 607].

Согласно данным Актовой книги кроме мелких («проволочных» копеек) нередко объектом кредитных отношений в Полоцке и его окрестностях служили и крупные монеты России — надчеканенные западноевропейские талеры («ефимки с признаками» или «талеры печатные»). Согласно показаниям мешанина Омеляна Шеденка, данным 17 января 1657 г., другой мешанин Симон Дрофеевич заплатил рейтару Якиму Порецкому его долг — «дванадцать талеров печатных». Шеденок обязуется вернуть «тые дванадцать талеров печатных» в Вербное воскресенье [13, л. 166—166 об.]. Как сообщает «Протестацья» от 5 января 1657 г., не ранее сентября 1656 г. Яким Рымар втайне от своих компаньонов Федора Малявки, Василия Ивановича и Лукаша Дзementaенка по пути из-под Риги в Полоцк дал в долг некоему казаку Федору Ломышу из общих денег «таляров печатных пят битых» [13, л. 135, 136; 14, с. 587, 588]. В других актах встречаются суммы долга в 3, 7, 10 и 17 «талеров печатных» [13, л. 108 об. — 109, 250—250 об., 374 об. — 375, 384; 14, с. 579, 645, 646].

Сохранились сведения о том, что полоцкие мешане одалживали «ефимки с признаками» друг у друга. Так, заем Алексея Федоровича, полученный «в пост великий на середопосной недели» 1657 г. у его тестя Карпы Харитоновича, составил тринадцать «талерей печатных» [13, л. 520, 521—521 об.]. Согласно данным иска Ян Кононович не желает возвращать некоему Андрею Шаше взятое имущество, в том числе и «пять таляров печатных» [13, л. 146—146 об.].

Из материалов Актной книги можно заключить, что полочане принимали копейки и русские ефимки на хранение («до схованья») от людей из России и своих земляков. Так, до 12 декабря 1656 г. мещанка Палюша Федорова получила от Терентия Борисова, сына Батурина, «сем талерей печатных государевых» [13, л. 109]. В записи от 7 августа 1657 г. мещанка Агапья Матфеева сообщает, что, идя замуж за «москаля», передала на сбережение мещанину Федору Завечельцу среди всего прочего и «дванадцать талеревъ печатных» [13, л. 512]. В тяжбе от 15 декабря 1656 г. фигурирует сумма в 41 рубль «серебранными рускими деньгами», принятая мещанином Стефаном Друговиною от Федьки Синявина, слуги царского стольника [13, л. 116—116 об.; 14, с. 581].

Русские деньги активно участвовали в торговом обороте Полоцка и его окрестностей. Как сообщает 8 декабря 1656 г. «руский чоловек» Иван, Михайлов сын, он сторговал у скорняка Григория Бухала пару соболей «за полпета (4,5. — *В. К.*) рубля денег» [13, л. 104 об.]. Из материалов иска от 29 апреля 1657 г. известно, что мещанин Мартин Щасный и его жена купили «полчамарок» (вид женской верхней одежды) за два левка (левок или левендаальдер — голландская монета) и пять копеек [13, л. 374; 14, с. 645].

По сведениям дела от 11 мая 1657 г., могилевский мещанин Василий Федорович недополучил от полоцкого мещанина Остапа Мартюшонка за товар десять «талерей государевых печатных» [13, л. 397—397 об.]. Согласно данным расчета от 12 июня 1657 г. житель Переяславля Сильвестр Высоцкий дал мещанину Михалку Титовичу для покупки товара в Бешенковичах наличных денег 115 коп., а также на проезд и питание предоставил 10 коп «в талерах печатных» [13, л. 447 об.; 14, с. 670]. Как следует из материалов дела от 16 февраля 1657 г., полоцкие мещане Стефан Харкович, Мартин Гарбуз, Иван Иванович и Дорошко Иванович «талерами печатными» платили «рохмистру царскому» пану Косовскому за его «горелку», выпитую ими по дороге из Полоцка в царский обоз под Ригу [13, л. 222, 223]. Как записано в продолжении тяжбы, начатой 5 августа 1657 г., мещанин Алексей Андреевич Медведев весной купил челн «у двух чоловекъ русских за два рубли мелких грошей и особно им полкопы грошей даль» [13, л. 511—511 об.].

Русские монеты нередко фигурируют в материалах криминальных дел. Так, в ночь на 18 сентября 1656 г. из магазина мещанки Аксины Парфеновны неизвестными было похищено шестьдесят коп копеек и двенадцать злотых, а также двадцать «талерев печатных» [13, л. 32—32 об.; 14, с. 555, 556]. 17 декабря 1656 г. стрелец Омелян Варганов обвиняет мещанку Марушу Ивановну, что она подговорила «порученного ею от рейтара хлопца (холопа) похитить у него денегъ дробных серебранных рубли тры да яфимков государевых печатных тры» [13, л. 120 об.; 14, с. 583]. Из показаний прапорщика Андрея Иванова, сына Кренева, 1 мая 1657 г. известно, что в его отсутствие из его сумок «молойцы» (слуги) лавника Ивана Зимницкого вынули серебра на «чотыры талеры битых государевых» [13, л. 380 об.; 14, с. 649].

Мещанин Павлюк Карпач 6 февраля 1657 г. должен был держать ответ в суде за то, что хитростью утаил от другого мещанина Петра Никипоровича три шнура серебряных копеек стоимостью на четыре талера и три серебряные крестика. По словам ответчика, он оставил в залог истцу «толко до двадцати копеек и до чотырох малых крыжыков» [13, л. 202 об.].

Причиной тяжбы от 9 февраля 1657 г. между мещанами Кондратом Гинькой и Кондратом Скрипкой была пропажа у последнего в шинке тринадцати коп грошей и «талера печатного». Скрипка утверждал, что он зашел в шинок поменять несколько «талерев печатных» на мелкую монету [13, л. 209 об. — 210 об.; 14, с. 608—610].

Согласно материалам дела от 25 мая 1657 г. во время наступления царского войска на Полоцк еще в 1654 г. мещанин Иван Вертюшка дал другому мещанину Якубу Новицкому «трыдцат олтынь грошей». В ответной письменной «реплике» (опровержении) Якуб сообщил, что ни разу в течение последних трех лет Вертюшка никаких копеек не вспоминал и претензий к нему не предъявлял [13, л. 414, 415].

Русскими деньгами взимались судебные штрафы. Так, в судебном постановлении от 2 марта 1657 г. на челобитную солдата Самуилы Прокопова сына записано, что мещанки Полоня, жена Сидора Михайлова сына Тесли, и Настасья Гурская в течение трех дней должны заплатить челобитчику полтора рубля денег за украденный у него жупан [13, л. 245—245 об.; 14, с. 619]. Суммы в русских монетах фигурируют и в исках о наследстве, и в завещаниях полочан. В тяжбе от 15 октября 1656 г. среди имущества покойной Раины Савиной Лукьяновой упоминаются и «таляров битых печатных двесте, до тог[о] чырвоных золотых полтораства, пры том у ворку (мешок, сумка) капейками было болей ніж на копь двесте» [13, л. 59]. Документами также зафиксировано и внеэкономическое использование русских копеек. В «Декрете» от 6 февраля 1657 г. приводятся сведения о трех шнурах копеек «хиляных» (т. е. свернутых), принадлежавших мещанину Петру Никипоровичу [13, л. 202 об.]. Сегодня известно единственное применение свернутых «проволочных» копеек — в качестве полуфабриката для изготовления женских украшений («коралей»).

Подводя итоги исследования роли русских монет на рынке Полоцка, следует признать, что к 1656 г. они достаточно быстро и органично вошли в местное денежное обращение. В Актовой книге Полоцкого магистрата 1656—1657 гг. зафиксирован почти полный набор монет и счетно-денежных единиц России третьей четверти XVII в. В ней упоминаются нередко «ефимки с признаками» как «талеры печатные», неоднократно серебряные копейки, а также единично, предположительно медные копейки Алексея Михайловича. Фигурантами тяжб, в которых упоминаются русские деньги, были полоцкие и могилевские мещане, жители украинских территорий ВКЛ и жители самой России: солдаты, стрельцы, рейтары, труба-чи, прапорщики, квартирмейстеры, дворянские слуги.

Материалы Актовой книги свидетельствуют, что «ефимки с признаками» и серебряные копейки местное население признавало законным платежным средством. Они находили применение во многих сферах рыночной жизни города: кредит, долги, прием на хранение, наследство, оценка, купля-продажа, штрафы и др. Русские монеты нередко фигурируют в делах криминального характера. Кроме того, серебряные копейки служили полуфабрикатом для изготовления женских украшений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Акты Московского государства, изданные Императорскою академиею наук : в 3 т. / под ред. Д. Я. Самоквасова. СПб., 1901. Т. 3 : Разрядный Приказ. Московский стол. 1660—1664. 674 с.
2. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археологическою комиссиею : в 15 т. / под ред. Г. Ф. Карпова [и др.]. СПб. : Тип. А. Катанского, 1892. Т. 15 : 1658—1659. 462 с.
3. *Беляев И. Д.* Переписная книга домово́й казны патриарха Никона, составленная в 1716 году по повелению царя Алексея Михайловича // *Временник императорского Московского общества истории и древностей российских*. М. : Университет. тип., 1852. Т. 15. С. 173—306.
4. Витебская старина : в 5 т. / сост. А. П. Сапунов. Витебск : Типолитограф. Г. А. Малкина, 1885. Т. 4, ч. 2. 394 с.
5. *Зверев С. В.* К истории монетного производства в Русском государстве в XVI—XVII вв. // *Нумизматика : сб. науч. тр.* М. : Восточ. лит. РАН, 2005. Вып. 17. С. 219—252.
6. *Кобринец В. А.* Находки русских монет XVI — начала XVIII в. на землях Беларуси (предварительные итоги исследования) // *Шестнадцатая Всерос. конф.: тез. докл. и сообщ.*, Санкт-Петербург, Репино, 18—23 апр. 2011 г. СПб., 2011. С. 135—137.
7. *Кобринец В. А.* О находках ефимков с признаком на землях Великого княжества Литовского // *Pieniądz — kapitał — praca wspólne dziedzictwo Europy. Białoruś — Litwa — Łotwa — Polska — Rosja — Słowacja — Ukraina. Białystok — Augustów, 18—21 września 2008. Materiały z VIII Międzynarodowej konferencji numizmatycznej*. Warszawa, 2008. С. 107—112.

8. *Кобринец В. А.* О находках монет России XVI—XVII вв. на территории Беларуси // Иконография денег Средней и Восточной Европы : междунар. нумизмат. симп. Гуменне 13—16.09.2007. Bratislava; Humenne, 2008. Ч. 1 : Numizmatika-22/2008. С. 39—45.
9. *Колобова И. Н.* Монетные клады Гродненской области XVI—XVII вв. // Культура Гродзенскага рэгіёну: праблемы развіцця ва ўмовах поліэтнічнага сумежжа : зб. навук. пр. / адк. рэд. А. М. Пяткевіч. Гродна : ГрДУ, 2003. С. 225—229.
10. *Мельникова А. С.* Новый («Английский») денежный двор в Москве в 1654—1663 гг. // Нумизматика и эпиграфика. М. : Наука, 1971. Т. 9. С. 144—158.
11. *Мельникова А. С.* Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого: История русской денежной системы с 1533 по 1682 год. М. : Финансы и статистика, 1989. 318 с.
12. Национальный исторический архив Беларуси (далее — НИАБ). Ф. 1817 (Могилевский магистрат). Оп. 1. Д. 23 — Актовая книга Могилевского магистрата за сентябрь 1656 — август 1657.
13. НИАБ. Ф. 1823 (Полоцкий магистрат). Оп. 1. Д. 1 — Актовая книга Полоцкого магистрата за сентябрь 1656 — август 1657.
14. Полоцк: Полоцк и Полоцкое княжество (земля) в IX—XIII вв., летопись древнейших слоев, Полоцк и его округа в XIV—XVIII вв., ремесло, денежное обращение и торговые связи Полоцка в средневековье (по данным археологии, нумизматики и письменных источников), культура и просвещение в средневековом Полоцке / О. Н. Левко [и др.], редкол. : А. А. Коваленя (гл. ред.) ; науч. ред. О. Н. Левко ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. Минск : Беларус. навука, 2012. 743 с.
15. Русско-белорусские связи : сб. док.: (1570—1667 гг.) / отв. ред. Л. С. Абеледарский, М. Я. Волков. Минск : Высш. шк., 1963. 534 с.
16. *Рябцевич В. Н.* Клады чрезвычайных обстоятельств на землях Великого княжества Литовского // Pieniądz i wojna. Białoruś — Litwa — Łotwa — Polska — Słowacja — Ukraina. Materiały z VI Międzynar. konf. numizm. Supraśl 9—11 września 2004. Warszawa, 2004. С. 167—176.
17. *Рябцевич В. Н.* Монетные клады XVII и первой четверти XVIII в. на территории Чернигово-Северской земли и Восточной Белоруссии // Нумизматика и сфрагистика. Киев : Изд-во Акад. наук Укр. ССР, 1963. Вып. 1. С. 152—202.
18. *Рябцевич В. Н.* Нумизматика Беларуси. Минск : Полымя, 1995. 686 с.
19. *Рябцевич В. Н.* О чем рассказывают монеты. Изд. 2-е, перераб. и доп. Минск : Народ. асвета, 1978. 399 с.
20. *Рябцевич В. Н.* Шотландские монеты первой половины XVII в. в кладах Белоруссии и соседних районов // Нумизматика и эпиграфика. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. Т. 4. С. 251—260.
21. *Рябцевич В. Н., Титок В. А.* Русская монетная медь в XVII века в кладах Белоруссии и Украины // Древности Белоруссии : докл. к конф. по археологии Белоруссии. Март 1969. Минск, 1969. С. 427—435.
22. *Спаский И. Г.* Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII в. и реформы 1654—1663 гг. // Археографический ежегодник за 1959 год. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. С. 103—156.
23. *Спаский И. Г.* Каталог ефимков 1655 г. // Нумизматика и сфрагистика. Киев : Наукова думка, 1971. Т. 4. С. 96—166.
24. *Спаский И. Г.* Русские ефимки. Исследование и каталог. Новосибирск : Наука, 1988. 334 с.
25. *Филинов В. А.* Ефимки на Беларуси // Pieniądz i wojna. Białoruś — Litwa — Łotwa — Polska — Słowacja — Ukraina. Materiały z VI Międzynar. konf. numizmat. Supraśl, 9—11 września 2004. Warszawa, 2004. С. 161—165.

Статья поступила в редакцию 7 октября 2014 г.